

A movie poster featuring a woman with long blonde hair in a white shirt holding a brown paper bag, and a man with a beard in a dark sweater resting his head on his hand. The background is a bright blue sky with a window on the left. The text is in red, outlined letters.

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

ВЕРНУТЬ
ВЕРУ

Юлия Резник

Вернуть Веру

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67420781

Аннотация

Когда-то у меня была Вера... Она любила меня, а я думал лишь о выгодах, которые сулил наш брак. Я так отчаянно стремился вверх, в надежде обрести счастье, что не разглядел его у себя под носом. А когда понял, что потерял, было уже слишком поздно. Теперь у нее другой. Она счастлива, а я не могу забыть ее, не могу смириться. Похоже, мне остаётся лишь одно... Вернуть Веру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

Вернуть Веру

Глава 1

Меня разбудил странный звук, который почему-то как-то по-особенному выбивался из шума, царившего на съемочной площадке вот уже вторую неделю. Не спрашивайте, кому пришло в голову устраивать съемки «Новогоднего огонька» посреди лета. Точнее, это даже не «Огонек». Наш канал был ориентирован на более продвинутую аудиторию, но это не означало, что у нас какой-то особенный Дед Мороз. Нет-нет... Тут все по старинке. Синий тулуп и белая борода, которую я, к счастью, успел снять, перед тем как вырубился.

Я растер руками лицо, оглянулся по сторонам и резко сел. Диван в примерке оказался дьявольски неудобным. Но я так сильно устал за последние дни, что уснул, едва мое тело приняло горизонтальное положение. Спустив ноги на пол, я прислушался, одной рукой растирая затекшие мышцы на шее, а другой – избавляясь от прилипших к телу тряпок. То, что я не сварился в них заживо, еще не означало, что смерть мне не грозила в принципе. Костюмерша у нас была баба жесткая. Старой закалки. На неё мои чары не действовали совершенно. И это было особенно обидно, потому что она-то как

раз имела возможность рассмотреть меня со всех наиболее выгодных ракурсов во время примерок.

Звук, который еще секунду назад больше всего походил на кошачье мяуканье, оборвался. И зазвучал вновь уже совсем по-другому. Более настойчиво. Громко... Требовательно.

Оставшись в одних атласных штанах, я поплелся к куче сброшенного в углу барахла, откуда и доносился шум. Ноги путались в разбросанном по полу серпантине. Если уж в костюмерной такой бедлам – трудно представить, что творится на съемочной площадке. Я чертыхнулся, стряхивая с ноги фольгу, да так и застыл в этой нелепой позе.

– У-у-у-у!

Не может быть. Просто не может такого быть... Откуда здесь взяться ребенку? Возможно, привиделось в темноте? Ведь помещение освещалось лишь парочкой новогодних гирлянд.

– У-у-у-у-у-у! – повторилось громче.

Я сглотнул. Растрепал волосы, с трудом разделяя залакированные намертво пряди. Осмотрелся, судорожно вспоминая, где же здесь выключатель.

– Постой-ка, приятель. Сейчас дядя Стас включит свет, и станет не так страшно. Ты же смелый парень, правда?!

Наверное, я нес какой-то бред. Не знаю... Просто в тот момент я был несколько не в себе. А еще мне ужасно хотелось курить, и плевать на то, что я давным-давно бросил, сосредоточившись на своем здоровье и очищении кармы...

Наверное, так ко мне подкрадывалась старость. Или в тридцать пять об этом рано было думать?

Злосчастный выключатель нашелся, когда плач ребенка уже перешел в ультразвук. Свет ударил по глазам, на секунду ослепив нас обоих. Я зажмурился. Парень, наконец, умолк. И лишь тихое икание нарушало абсолютную тишину, установившуюся в комнате. Не открывая глаз, я прислушался снова. И тут до меня дошло, что никакого другого шума и не было. Очевидно, я проспал дольше обычного, и съемки уже закончились. А это означало, что я увяз в дерьме просто по уши. Один... наедине с ребенком.

– Какого чер... – я не успел договорить, наткнувшись на влажный от слез взгляд. – Да ты еще и девчонка! – добавил возмущенно, разглядывая довольно симпатичный зефирно-розовый комбинезон.

– Дя-дя-дя-дя...

– Дя? Ты говоришь мне «да»? Думаешь, я сомневаюсь?

Девочка посмотрела на меня, покачала головой и улыбнулась беззубым ртом. А я еще больше взмок. Не потому, что не умел обращаться с детьми... Любой выросший в детдоме парень запросто справится с целым выводком, но... Черт! Мне не нужны были эти проблемы. Я вообще старался держаться от них подальше, став таким приторно-правильным, что меня иной раз самого от себя тошнило.

Не то, что раньше.

– А раз ты такая разговорчивая, признавайся, откуда ты

здесь взялась?

Конечно, девчушка ничего не сказала.

– Ну-ка, иди ко мне...

Малышка вытянула ручки, но осталась сидеть на месте.

– Так ты еще даже не ходишь? Тогда ползи! Смотри, какие здесь яркие штуки...

Я поиграл серпантинном, судорожно обдумывая ситуацию. По идее, я вряд ли здесь остался один. По любому где-то бродят сторожа. Может быть, они что-то видели? Это же их работа!

– Давай-ка, пойдем, посмотрим, кто здесь есть... Поищем твою мамочку?

Девчушка вновь подняла руки и всхлипнула, но не сделала ни единой попытки ни подползти ко мне, ни подойти, хотя, судя по возрасту, уже могла сделать и то, и другое. Решив, что она просто не доверяет мне, я ободряюще улыбнулся. Осторожно, стараясь не напугать ее еще больше, подошел поближе, подхватил на руки и, удерживая под попку, понес к выходу. Моя забитая до кончиков пальцев рука странно смотрелась на этом розовом... Иностранно.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь?

В отличие от костюмерной, где все еще царил хаос, в павильоне было прибрано. И ничто не напоминало о творящемся здесь еще каких-то пару часов назад хаосе. Тихо было так, что звук моих шагов отражался от стен и проносился эхом под высокими сводчатыми потолками.

– Кто-нибудь? Ау!

Я прошел через зал к гримерной, толкнул дверь и чуть было не впечатался в...

– Господи! Как ты меня напугал! Я думала, здесь давно никого нет...

– Ника? Хм...

Если что-то и могло сделать эту ночь хуже, так это встреча с моей бывшей. Не потому, что она не давала мне прохода или как-то цепляла. Нет! Скорее... потому, что каждый раз, когда мы виделись на этих чертовых съемках, её взгляд скользил будто сквозь меня. А ведь я еще помню, как она на меня смотрела, когда любила... Совсем не так, как теперь. Да... И бог его знает, почему, спустя столько лет, это так сильно меня задевало.

– Гуляев? – взгляд голубых беспокойных глаз скользнул вниз от моего лица по груди, на которой с удобством устроилась девочка, и снова метнулся вверх. – А это кто?

– Понятия не имею. Я нашел ее.

– Как это – нашел? – нервно облизала губы Вероника, а я вдруг подумал о том, что, возможно, не только я один уснул, не справившись с напряженным графиком съемок. Ника тоже выглядела довольно помято. Против воли я залип на ее лице. – Гуляев! Ау! Что значит – нашел?

Она щелкнула пальцами у меня прямо перед носом и чуть сощурилась.

– То и значит! Я уснул на диванчике в костюмерной, а

проснулся от её плача.

– Что ты делал в костюмерной?

– Переодевался! – рывкнул я, устав от допроса Ники. Мой сердитый голос испугал девочку. Её губки задрожали, и было похоже, что она вот-вот снова расплачется. – Ну-ну, красotka. Не вздумай реветь... – предостерег я малышку, осторожно прижимая к себе её головку и успокаивающе поглаживая по спине. Вероника отвернулась, нервничая все сильнее. И я не хотел бы знать, о чем она думала в этот момент, или что она представляла...

– Значит, ты уснул в процессе переодевания, а когда проснулся, обнаружил в костюмерной ребенка? – уточнила Ника спустя некоторое время, которое ей понадобилось, чтобы успокоиться.

– Так и есть. Сел на секундочку перевести дух и уснул. Вот, что бывает, когда работаешь по восемнадцать часов в сутки...

– Ну, и чего ты завелся? Я не из любопытства интересуюсь. Надо понимать, что теперь делать.

– Вызвать полицию – и дело с концом.

– А что, если ее мать где-то здесь?

– Уснула, как мы с тобой, забыв о собственной дочке?

Дурацкий вопрос. Со стороны могло показаться, будто мы спали вместе.

– Не знаю! Может быть, и уснула... Ты все здесь проверил? Не хотелось бы мне звонить в полицию. Это может за-

тянуться надолго, а я и так еле держусь на ногах.

Ника запрокинула руки за голову и потянулась ухом сначала к правому плечу, затем к левому, как и я совсем недавно, разминая затекшие мышцы. Она очень изменилась после нашего развода. Скинула добрых двадцать килограммов, отрастила волосы и каким-то непостижимым образом превратилась из толстого бегемота в знойную экзотическую красотку. Пока я пожирал свою бывшую взглядом, девчушка в моих руках вывернулась и ухватила её за нос. Ника отшатнулась в сторону. Провела по лицу руками, словно стирая это касание, и бросила:

– Я попрошу охрану все проверить, прежде чем куда-то звонить. Будь здесь. И... оденься, бога ради.

Я пересадил малышку на бедро. Скользнул взглядом вниз по своей груди. Хм... Может быть, не только я... хкм... отреагировал. Хотя как-то сложно было представить, чтобы Нику вновь могли заинтересовать моя смазливая морда и прокачанная на индивидуальных тренировках фигура. Слишком хорошо она знала мне цену. Потому что, говоря откровенно, в свое время я с ней поступил как мудака.

Не то что сейчас я поступил бы иначе. Я, наверное, и не на такое решился бы, чтобы пробиться в жизни. Смыть с себя позорное клеймо детдомовца, кажется, выжженное на лбу. Подняться с самого дна и выплыть на поверхность.

– Именно это я и планировал сделать, когда ее нашел. – Я улыбнулся сидящей на моем бедре малышке и позволил ей

сунуть в рот свой палец. – Вот... Подержи.

– Нет! Нет, я не буду... Просто посади ее куда-нибудь. – Ника отскочила от нас, как от огня. Пожалуй, впервые с тех пор, как нас с ней снова свела судьба, я видел ее истинные чувства. Она была в панике. Об этом буквально кричали ее бегающий взгляд и нервные движения рук, которыми она тербила юбку.

– Ты все еще переживаешь из-за того, что случилось? – тихо спросил я. Спросил, пожалуй, впервые... Наверняка слишком поздно и не к месту... Вероника отрицательно дернула головой и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, зашагала из павильона.

– Пойду, все же позову охрану, – донеслось до меня уже от двери. Я кивнул, понимая, что она не увидит, и перевел взгляд на девочку. А ведь я тоже уже мог быть отцом. Сколько бы ему сейчас было? Пять? Шесть? Глядя на детей, я все чаще об этом думал. Гадал, на кого он мог бы быть похож. И вообще... каким бы он был? Ника... мечтала, чтобы наш малыш стал моей точной копией. Потому что себя она никогда не считала красивой. Да и я... говоря откровенно, не считал. В то время я был тем еще мудаком. Но что-то я повторяюсь...

Воспоминания о прошлом засасывали меня воронкой. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не жадный ротик, зашаривший по моей груди в поисках пропитания. Это было щекотно, и я хохотнул.

– Кто-то, кажется, проголодался, – пробормотал я. – Ну-ка, пойдем, милая. Я оденусь, а после мы поищем что-нибудь на перекус.

Малышка не протестовала. Лишь когда я вновь посадил ее на пол, недовольно пискнула. Пришлось заговаривать ей зубы. Что-что, а в этом мне не было равных. Язык у меня был подвешен как надо. Не зря за пять лет я поднялся от рядового стендапера до самого высокооплачиваемого шоумена в стране.

– Стас! Вы здесь?

– Угу...

– Охрана не видела ничего подозрительного. Сейчас они осматривают территорию, но вряд ли мы найдем мать ребенка. Я кое-кому позвонила, так что... скоро приедет наряд. Боюсь, тебе придется остаться здесь, чтобы ответить на вопросы следователя.

Выматерившись под нос так, чтобы девочка не услышала, я натянул через голову футболку, стащил штаны Деда Мороза и втиснулся в собственные потертые джинсы. Малышка в углу снова заплакала.

– Не знаешь, что её может беспокоить? – занервничала Ника. Она могла сколько угодно притворяться, что эта история оставила ее равнодушной, но меня ей было не провести.

– Девчонка голодна. Кем бы ни была ее мать, она кормила ее грудью.

Глаза Ники широко распахнулись:

– Как ты это определил?

– Она пыталась раздобыть еду на моей...

Вероника закашлялась.

– Думаешь... Полагаешь, мать девочки... её действительно бросила? Вот так?

– А на что это, по-твоему, похоже?

– Не знаю, – Ника растерла руками плечи. – Просто никогда не могла понять таких горе-мамаш.

Что ж... А я мог написать по этому поводу диссертацию. Меня ведь тоже бросили, так что... Я равнодушно повел плечами и склонился над девочкой.

– Здесь осталось что-нибудь съедобное, после съёмок?

– Откуда? Все уже давно убрали. А впрочем, подожди... Ей можно банан? Как думаешь? Ой, смотри – здесь какой-то конверт, – резко сменила тему Ника.

– Не трогай! Это улика! – запротестовал я, не давая ей дотянуться до конверта. Её кожа была прохладной и очень чувствительной. От моего легкого касания на ней выступили мурашки. Но я бы не стал утверждать, что это от удовольствия. Вполне возможно, виной всему была брезгливость.

Ника отвела взгляд и опустила голову.

– Вероника Васильевна, мы осмотрели всю территорию, но везде тихо.

– Спасибо. Я уже вызвала полицию. Будьте готовы предоставить в их распоряжение записи камер и... что там еще может понадобиться.

Два пожилых охранника поохали, покачали головами и ушли. А мы вновь остались втроем. Я... Моя бывшая жена. И чужой ребенок, сумевший разбудить слишком много воспоминаний, которые мы оба хотели забыть.

– Как думаешь, что в том конверте?

– Не знаю. И вообще... это нас не касается. Мы – люди случайные.

– Я все же посмотрю. Может быть, там телефон или...

– Ага... Как же? Ее мать, что, совсем дура, по-твоему?

– А если она вообще ни при чем, а? Если девочку украли? Ты об этом подумал? Вдруг это и не мать вовсе её оставила! Что ты на это скажешь? – Ника осторожно раскрыла конверт.

– Скажу, ты слишком долго продюсировала мыльные оперы.

Вероника фыркнула, извлекая на свет божий карточку, на которой от руки было написано всего два слова и дата. Точнее... Имя, дата и непонятная аббревиатура.

– Ну, здравствуй, Дарья СМА... ноль один ноль шесть девятнадцать.

Глава 2

Город не спал, несмотря на позднее время. Вслушиваясь в его ритм, я с силой затагнулась и заворуженно уставилась на огонек сигареты. Нет, мне больше не было больно. Все осталось в прошлом. Я даже не знаю, почему вновь закурила, хотя давно уже бросила, потому что вредно и не модно, и цвет лица портится... А я уже в том возрасте, когда на это приходится обращать внимание. Так почему же я здесь расселась? Побыстрей бы разобраться с полицией, и домой... домой. Отсыпаться. А не сидеть вот так, думая непонятно о чем.

– Вера... Привет. Не знал, что ты куришь.

– Господи! Ты меня напугал.

Я отбросила сигарету и яростно втоптала ее задником в асфальт. Свинство. И надо было воспользоваться урной. Но когда я увидела Олега, сработал рефлекс. Будто мне снова пятнадцать, и вот-вот влетит от мамки за то, что от меня несет куревом.

Не то чтобы я была такой уж бедовой.

Я отвлеклась от разглядывания полицейских, которые, сидя за заваленным реквизитом столом, записывали показания Гуляева, и обернулась на голос мужчины, с которым сейчас встречалась.

– Извини. Я не хотел.

Он был старше меня на пять лет. Тоже разведен... Раньше я считала, что развод – это всегда грязь, боль и слезы. Может, потому, что в свое время пережила их аж целых два и столкнулась именно с этим. Но... У Олега все обстояло иначе. Они расстались с женой вполне цивилизованно и остались с ней в хороших отношениях, вместе воспитывая дочь. Для меня это был очень показательный момент. Он рассказал мне о Вавилове гораздо больше, чем все остальное. Дал понять, что у нас с ним получится нечто действительно стоящее.

Олег был первым в моей жизни мужчиной, которому от меня ничего не было нужно. Кроме меня самой. В те редкие дни, когда его и моя работа позволяли нам встретиться.

– Ничего страшного. Это у меня нервы расшалились.

Я встала со скамьи и шагнула в его объятия.

– И сигареты по этому случаю?

– Ага...

Мягко улыбнувшись, я уткнулась лицом в его грудь, глубоко вздохнула, и как-то сразу стало спокойнее.

– А этот... Он тут что забыл?

– Кто?

– Твой бывший.

Никогда не замечала, что Олег ревнив, но какие-то новые интонации в его голосе заставили меня присмотреться к нему повнимательнее. Впрочем, даже если так, напрасно он волновался... Я уже не была такой глупой, непроходимой

дурой, как еще шесть-семь лет назад. Теперь меня было не сбить с толку. Да, я по наивности не сделала выводов из своего первого развода, но второй... второй урок запомнила навсегда. Я окончательно уяснила, что внешняя красота ничего не значит. Как и слова... Теперь я верила только поступкам. И старалась держаться подальше от звезд шоу-бизнеса, притяжение которых для меня оказалось слишком губительным и опасным. На пути к славе эти чертовы звезды были способны абсолютно на все. Они играли чужими судьбами, чувствами... И мной тоже, как оказалось, играли. Никто из моих мужей не любил меня по-настоящему. А вот я к тридцати четырем годам полюбила себя достаточно. Полюбила настолько, что таких, как они, теперь и близко к себе не подпускала. Чужая их фальшь за версту. Как если бы два развода кряду наделили меня какой-то суперспособностью.

Олег в этом плане мне подходил лучше других. Совершенно далекий от мира шоу-бизнеса. Обычный полицейский... Хотя нет, скромничаю. Он был начальником аж целого отделения.

– Ну, привет. Гуляев – основная звезда всей программы. Кстати, это он нашел нашего подкидыша.

– Ты в это веришь?

– В то, что он нашел? – удивленно вскинула я брови.

– Угу. Ну, мало ли... обдолбался и спер у кого-то.

Это предположение Вавилова было таким нелепым, что я громко рассмеялась, откинувшись в его руках. На глазах

выступили слезы.

– Как те парни из «Мальчишника в Вегасе»? – поддразнила я его, вспомнив о фильме, который мы пересматривали в нашу последнюю встречу.

– Почему бы и нет? – усмехнулся Олег.

– Ну, не знаю... А полицейские машины у вас все целы? – продолжала веселиться я. – Ты проверь. А то мало ли.

Вавилов улыбнулся шире. Дернул меня за ухо, а я сморщила нос и потерлась щекой о его нежные пальцы.

– А тебе лишь бы поржать...

– Поклеп! Твое предположение, конечно, интересное. Но вряд ли верное. Он не сидит на наркоте.

Об этом я могла судить с уверенностью. Когда все твоё детство проходит в богемной среде, как-то сразу учишься определять, кто вмазан. Выдают суета в движениях, бьющая фонтаном энергия или, наоборот, полнейшая апатия. А ещё это мерзкое кокаиновое хлюпанье носом... Но за две недели, что Гуляев был у меня на глазах, я не заметила ничего подобного. Да и слишком умным тот был, чтобы вляпаться в такое дерьмо. Расчетливым. У него был план на все. Наркотики же вели к утрате контроля. А для Стаса не было ничего хуже. Поэтому он и держался от этих бэд трипов¹ подальше. А вовсе не потому, что был правильным.

---

¹ Бэд трип (англ. bad trip) – «скверное путешествие» – сленговое выражение, описывающее негативные, потенциально опасные для психики переживания, которые могут возникнуть во время психоделического опыта, обычно вызванного приемом наркотиков.

Такую скотину еще попробуй найди.

Ну, вот какого черта это все случилось? Я так надеялась, что сегодня мы распрощаемся! Буквально минуты считала... И вот тебе на! Как насмешка судьбы какая-то.

Олег испытывающее заглянул мне в глаза и неожиданно жадно поцеловал. Я удивилась, но отстраняться не стала. Обычно он не позволял себе таких проявлений чувств на людях, а мы все же были на виду, хоть и чуть в стороне ото всех... Я машинально прошлась языком по губам, слизывая мятный вкус его поцелуя. Вавилов явно только-только почистил зубы, потому что мой звонок выдернул его посреди сна. Мысль о том, что он, не раздумывая, примчался мне на выручку, согрела душу. Я улыбнулась, чуть откинулась в его руках и натолкнулась на пристальный наглый взгляд Гуляева. Даже с ребенком на руках он умудрялся выглядеть как секс в чистом виде... И картину ничуть не портили Дашкины слюни на его футболке.

Именно таким я его и представляла когда-то... С той лишь разницей, что в моих мечтах на руках у Стаса был наш ребенок.

Кажется, я говорила, что это больше не причиняет мне боли? Может быть, так и будет. Когда-нибудь... Если напоминать себе об этом почаще.

– Пойдем, я попрошу парней опросить тебя побыстрее и отвезу домой. Ты выглядишь измученной...

Я машинально кивнула. Шагнула за Олегом следом, но

этот шаг почему-то стал шагом в прошлое. Будто его слова включили некий тумблер в моей памяти.

– Ты выглядишь измученной, доченька. Мы с отцом считаем, что тебе нужно отдохнуть.

На самом деле в тот момент я выглядела не измученной, а жалкой. За плечами у меня остался мучительный развод с первым мужем, а внутри – опустошающая депрессия. Он столько гадостей мне наговорил, когда мы расставались, столько ран нанес... А я никак не могла понять, в чем же так перед ним провинилась.

Дима много чего мне тогда наговорил... Пьяный. И то, что его тошнит ложиться со мной в постель, и то, что только такая тупая корова, как я, могла поверить, будто он меня любит. А я ведь действительно одиннадцать лет была уверена в том, что мы с ним идеальная пара. Я одиннадцать лет только им и жила. Им и нашей дочкой Настькой. А Дима жил своим творчеством, гастролями и изменами. У певца, треки которого день и ночь крутили по радио, как оказалось, было столько поводов... для измен. А жена – дочь крупнейшего в стране продюсера, благодаря которому он и стал звездой – это так... Джаст э бизнес.

И знаете, что было самым большим ударом? То, что все вокруг это знали... И никто... ни одна сволочь не потрудились рассказать о происходящем и мне.

– Я не знаю, мам...

– Выбирай, Ника. Либо курорт, либо реабилитационная

клиника. Я уже не могу смотреть на то, как ты себя разрушаешь.

Как раз в этот момент я поймала свой взгляд в отражении зеркала. Мне было двадцать восемь, но выглядела я гораздо старше. Сказывались бессонные ночи и попытки залить горем алкоголем. К тому же я начала активно заедать стресс и за очень короткое время поправилась на целых пятнадцать килограммов. А потом, с какого-то перепугу, еще и подстриглась. Женщины склонны к экспериментам с внешностью, особенно в переломные моменты жизни. Но та попытка явно не удалась. Бунтарский короткий ёжик окончательно меня изуродовал. Словом, когда мы познакомились с Гуляевым на том турецком курорте, куда меня сослали родители, выглядела я просто ужасно.

И да, я, наверное, все же была тупой коровой, раз поверила, что такой, как Стас, мог позариться на меня ту... отчаявшуюся.

Дело было в лобби отеля. Куда я спустилась выпить коктейль, а может, чего и покрепче, во время ежедневного вечернего представления. В Турции мало кто заморачивается по поводу внешнего вида, даже на вот такие шоу приходя в пляжных шортах и майках. И я тоже не потрудилась принарядиться. Шорты-парашюты, майка – новая, но не глаженая, и спекшееся на солнце лицо.

Теперь мне ужасно стыдно за ту женщину, в которую я превратилась... Стыдно за то, что позволила проблемам так

сильно меня сломить, за то, что так распустилась. А тогда мне на все плевать было. Я сидела с очередным коктейлем, а он, среди прочих приглашенных нас развлекать звезд, выступал на разогреве. Уже тогда я понимала, что Стас далеко пойдет, так сильно он выделялся на фоне других выступающих. Гуляев был таким жадным до внимания и по-хорошему злым, что это не могло не дать своего результата.

Тогда я думала, что по-хорошему злым. Да... Я ошибалась.

Он привлек мое внимание именно своим талантом. А потом... что скрывать? Наглым взглядом настоящего плохиша. Мне ужасно льстило, что среди десятков других женщин он обратил внимание именно на меня. Я тогда не задумывалась о том, как это было странно...

– Понравился? – вот что спросил этот наглец, когда подошел к моему столику. Ни «здравствуйте». Ни «какой приятный вечер». В этом был весь Гуляев. Он знал себе цену. И знал, как действует на женщин.

– Н-ничего.

Да. Я запнулась. Взрослая и битая жизнью, я запнулась, глядя в глаза этого самовлюбленного придурка. Я, кстати, думала, что он младше. Но потом выяснилось, что мы одногодки.

– Пойдем, пройдемся – расскажешь мне, какие шутки тебе показались особенно удачными.

И я зачем-то пошла. Как бычок на заклятие. Или тупая

корова... Да. И ни одной шутки потом не вспомнила. Сколько ни пыталась – так на меня подействовало то, что он взял меня за руку. Уже тогда его пальцы были забиты, и мне до дрожи хотелось ощутить, как это, когда они коснутся меня иначе... Более интимно. Мне было плевать, как я выгляжу – он смотрел на меня так, что это вообще не парило. Голодно смотрел.

Может, в тот момент Стас думал о том, какие перспективы для него откроет знакомство со мной. Но тогда я этого не знала. Так наивно и так по-женски реагируя на его внимание...

Глупая! Второй раз на одни и те же... Да-да, я могла продюсировать «Танцы с граблями». В этом мне бы не было равных.

– Вер... Ты меня слышишь?

Вот уже пять лет я просила называть себя Верой. Я была Вероникой, но привычное раньше «Ника» теперь казалось мне легкомысленным и несерьезным.

– Говорю, девочка выглядит нездоровой. Сначала мы отвезем ее в больницу. А дальше, если мать не найдется, отправим в приют.

– Почему вы решили, что она нездорова?

– Ну, она не ходит. Не ползает даже... Не бери в голову, это просто формальности.

Я машинально кивнула.

– Тогда мы свободны?

– Угу. Собирай вещи. Я тебя отвезу. Настыка дома сама осталась?

Олег переплел наши пальцы. Сидящий рядом на стуле Гуляев хмыкнул. Я не стала оборачиваться, чтобы узнать, чем вызван этот звук. Плевать мне на него было... А то, что Стас в это время качал в своих забитых подчистую руках чужого ребенка, вообще было ни при чем. С виду могло показаться, что он настоящий душка, но я-то знала его настоящего. Так что... алаверды. Слава богу, съемки остались позади, и мы больше с ним не увидимся. Нет, его выступления все еще будут литься из каждого утюга, а красивая наглая морда мелькать в телевизоре, но это – совсем другое. Не то, что когда на двоих один кислород.

– Ага. Сама...

– Как она, кстати? Наверное, уже тебя обогнала? – бросил Гуляев мне в спину.

«Одно время очень скучала по тебе, придурок», – хотелось крикнуть мне, но я лишь ответила напоследок:

– Угу. Выросла детка... Время очень быстро летит.

Глава 3

– Подпишите здесь, здесь и... вот здесь...

Я тряхнул головой, отвлекаясь от созерцания удаляющейся парочки, и перевел взгляд на сидящего напротив меня полицейского. Наверное, в этот момент я выглядел полнейшим придурком. Потому что тот, все сильнее нервничая, переспросил:

– Все нормально?

Я кивнул, с опозданием вспомнив о том, зачем я здесь и чего от меня хотят. Пододвинул к себе листы с записанными от руки показаниями, взял протянутую мне ручку и поставил, где нужно, подписи.

– Это все? Я могу быть свободен? – уточнил, глядя на измученную малышку, уснувшую на моей груди.

– Да-да, конечно... Но прежде, если вас не затруднит, я хотел попросить... вот... – на стол лег еще один лист, – если можно, автограф.

Ну, конечно... Автограф. К этому я уже привык. В отличие от других звезд, меня ничуть не раздражало такое повышенное внимание. Я хотел популярности. Я столько пахал, чтобы стать тем, кто я есть, что теперь было бы глупо делать вид, будто меня тяготит слава.

– Конечно.

– Для дочки. Она вас обожает. И смотрит все передачи с

вами. И все фильмы.

– Как зовут?

– Что? – окончательно растерялся мужик.

– Как дочку зовут?

– Маша...

Я нацарапал автограф для Маши. Отложил ручку, встал и решительно протянул девочку топчущейся в стороне женщине неопределенного возраста. На душе было гадко. Будто это я был непутевым родителем, который бросил своего ребенка на куче барахла в костюмерной.

– Куда ее теперь?

– Сначала в больницу. А потом, если мать не объявится, в приемник.

Малышка подняла ресницы и уставилась на меня голубыми, как небо, глазами. Я до того себя накрутил, что мне в них почудилась укоризна. И ведь понимал, что эта история взволновала меня так сильно исключительно потому, что я сам был детдомовцем, но легче от этого не было. Уходя, я то и дело оглядывался. А потом вернулся. Зачем – и сам не знал. Осмотрелся, схватил листок, все ту же ручку и под полными недоумения взглядами полицейских быстро нацарапал свой номер телефона, как будто мне мало было того, что он остался в материалах дела.

– Если ей вдруг что-то понадобится... Лекарства, там, или, я не знаю, что, дайте знать.

Женщина растерянно кивнула. Я развернулся на пятках и,

уже не оглядываясь, быстро зашагал прочь. Жара душила. Я замотался и забыл включить в тачке кондер. Забрался в душный салон. Опустил голову на руль и несколько раз глубоко вдохнул, убеждая себя забыть обо всем, что случилось. Просто вычеркнуть из памяти, будто ничего и не было. Обычно у меня с этим не возникало проблем. Я запросто переступал через все плохое и двигался дальше. Но только не в этот раз. Какая же дурацкая ночь!

Я тронулся с места, прибавил газа. В этот предрассветный час дороги были почти свободны, и я мог дать волю своей девочке. Выжимая из неё, конечно, не максимум, но достаточно скорости, чтобы ей насладиться. Вот только от себя не убежишь. И не уедешь. Воспоминания настигали меня, сколько бы я не вдавливал педаль в пол... И в какой-то момент я просто сдался, возвращаясь на годы назад.

– Ну, что? Что они сказали, Кир?!

– Что ты хорош, но твой материал слабо вяжется с политикой канала.

– Да чтоб тебя!

– Слушай, я знаю, что ты рассчитывал на эту работу, но...

Но... но... но! В этом чертовом бизнесе всегда находилось какое-то «но». Каждый раз побеждал тот, чья рука волосатее. Здесь связи решали все. Иногда мне начинало казаться, что я не прошибу эту стену.

– Ты меня слышишь, Стас? Хрен с ним, с этим шоу. Зато у тебя куча корпоративов. Десятка зелени – как с куста. И

проезд, конечно, оплачивают. Ну, что скажешь?

Скажу, что меня достали эти корпоративы, сколько бы денег они мне ни приносили. Слишком мелким мне это все виделось. Я же хотел заниматься чем-то действительно стоящим. У меня был проект классного вечернего шоу, и я бы душу продал, чтобы получить возможность сосредоточиться исключительно на этом. Я обивал пороги всех более-менее стоящих каналов, но результата не было. И мне чем дальше, тем сложнее было поддерживать в себе веру в то, что меня, наконец, заметят.

Я плеснул себе немного виски в стакан и залпом выпил.

– Ты коней-то попридержи. На сцену через пять минут, – одернул меня Кир. – Кстати, мне тут шепнули, что среди гостей дочка Пестова. Говорят, у нее после развода с мужем кукуха того... вот родители и отправили ее сюда развлечься.

– Серьезно? – я даже шею вытянул, чтобы разглядеть в толпе дочь одного из самых влиятельных в шоу-бизнесе персонажей.

– Угу... Вон, если мне не изменяет память, видишь ту, с ежиком на голове?

– Ты уверен, что это она? – недоверчиво протянул я.

– Она-она. Не хочешь подкатить? – заржал Стас.

– К ней? Разве похоже, что я так сильно изголодался по женскому обществу?

– Да шучу я, шучу... Даже связи Пестова не стоят того, чтобы мутить с его дочкой. Хотя, конечно, с таким тестем,

как он... Эх! Ты только прикинь, какие бы перед нами открылись возможности... – Кир пошевелил бровями и снова заржал, а потом отвлекся на кого-то из артистов. Он отвлекся, да. И думать забыл о том, что ляпнул. Я же вцепился в его слова, как шакал в украденную исподтишка кость. Выступил с трудом. А когда мой номер закончился, не давая себе передумать, спустился в импровизированный зал, хоть это было запрещено правилами, и без всяких усилий склеил Нику. В тот момент я совершенно не задумывался о моральном аспекте того, что делаю... Я думал лишь о себе. Мне даже как-то льстило, что такая правильная девочка, как она, повелась на меня. Делало ли это меня подонком? Теперь я понимаю, что да. А тогда... Тогда меня это не волновало.

Я трахнул Нику в тот же вечер. Совершенно неромантично, у стенки, едва мы вошли в ее номер. Воспользовавшись её душевным состоянием, да... Я даже свет ей не дал включить. Опасаясь, что вообще ни черта не выйдет, ведь она мне даже не нравилась. Но потом оказалось, что волновался я зря. В этом плане у мужиков довольно просто все устроено. Стоило мне ощутить ее тесноту и жар – все случилось само собой. Я вбивался в нее снова и снова, с какой-то отчаянной злостью. Уже тогда ненавидя себя за то, что фактически продавался, как самый последний жиголо, но еще не осознавая природу этого чувства. А она так нежно вздыхала, всхлипывала... и принимала в себя эту злость. Незаслуженную. И неправильную... Мягко сжимая меня внутри, отчего у меня

перед глазами разве что только искры не сыпались. И низко, с придыханием повторяя это бесконечное «Ста-а-ас»...

Где-то за спиной просигналили. Я очнулся, приходя в себя. Нажал на газ, проезжая на зеленый на последнем перед поворотом к дому перекрестке. Еще каких-то пару часов назад казалось, что я усну, едва только переступлю порог спальни. Но это было до того, как я нашел девчонку... и Нику... И до того, как эта встреча подняла осевшую на дне души муть.

Я поплелся в душ. Долго стоял, хватая губами льющуюся сверху воду. Впрочем, нисколько не сомневаясь, что не отмоюсь от того, что сделал, сколько бы себя ни тер. И как бы теперь ни старался стать лучше.

А перед глазами на репите картинка – Ника уходит прочь в обнимку с другим... Похер... казалось бы. Но почему-то как раз и не было. Я не знал, чего хочу больше – понять, почему так, или и дальше оставаться в неведении. Ведь вряд ли бы мне понравилась правда.

В конце концов, мне удалось убедить себя оставить все как есть. Пять лет прошло с тех пор, как мы расстались с Никой. Самое умное, что я мог сейчас сделать – не ворошить...

Я выбрался из душа, закинулся таблеткой снотворного и лег в кровать. А утром проснулся от того, что оглушительно громко орал телефон. Дерьмо! Кому я мог понадобиться? Все мои были в курсе, что у меня выходной. Так какого хрена? Еще и незнакомый номер... На такие звонки я обычно

не отвечал, но в то утро, дернул черт – и я принял вызов.

– Алло!

– Станислав?

– Да. Это я. Чем обязан?

– Это Иванова Лидия Михайловна. Заведующая педиатрическим отделением второй окружной. Вы вчера оставили свой номер нашему специ...

– Да-да. Я помню... Что-то случилось?

– Как сказать. Если ваше желание помочь найденной девочке все еще в силе...

– Конечно, – перебил я смущенный лепет женщины.

– Отлично. Тогда, думаю, вам будет лучше подъехать.

– Это еще зачем? Разве я не могу перевести деньги на счет больницы или, я не знаю, куда там обычно переводят?

– Понимаете, ситуация очень сложная. И, боюсь, речь пойдет об очень значительной сумме, поэтому нам бы не мешало все обсудить при личной встрече. Поверьте, я бы не отвлекала вас, если бы ситуация не была критичной.

– Девочка больна серьезней, чем показалось?

– Боюсь, что так.

Да чтоб его! Я перевернулся на живот. Дотянулся до лежащих на тумбочке часов, прикидывая, сколько времени мне понадобится на то, чтобы добраться.

– Буду через полтора часа. Устроит?

– Конечно. Скажете, что вы ко мне. Вас проводят.

– Напомните еще раз, как вас зовут, – вздохнул я, а по-

сле отбросил трубку и пошел в ванную, ругая себя за то, что связался в какую-то непонятную мне авантюру, вместо того чтобы выспаться, как планировал.

– Думаешь, сделаешь что-то хорошее, и все тут же наладится? – спросил у собственного отражения. Хмыкнул, покачал головой и открыл кран.

Я не знаю, когда понял, насколько пуста моя жизнь. Возможно, это случилось года через два-три после того, как я получил все то, к чему так долго и упорно стремился. Когда, забравшись на самую высокую гору, осмотрелся и понял, что все... Я здесь. В полном одиночестве. Растеряв по дороге всех, кто мне был дорог и близок. Неуверенный даже в том, что такие люди в принципе были в моей жизни. Что я хоть кому-то позволил стать мне дорогим... в этой бешеной грязной гонке без правил.

Нет, все же об этом лучше не думать – иначе дерьмовое настроение обеспечено на весь день... Изгоняя из головы ненужные мысли, я быстро оделся и поехал в больницу.

Лидия Михайловна – достаточно молодая приятная женщина, ожидала меня в приемной. Как и любой человек, вынужденный общаться с кумиром миллионов, она несколько нервничала, и я поспешил ее успокоить, бросив на ходу пару дежурных шуток. Иногда мой комедийный талант здорово выручал.

– Так что там с нашим найденышем? – вернул я заведующую в действительность, когда мы, отсмеявшись, устрои-

лись за столом.

– Видите ли... Диагноз все еще под вопросом – он требует дополнительных тестов. Но то, что мы видим, наблюдая клиническую картину, вместе с запиской, найденной в вещах девочки, позволяет нам говорить о том, что у девочки, скорее всего, спинально-мышечная атрофия. СМА...

Да... Что-то такое было в записке... Впрочем, мне этот диагноз ни о чем не говорил.

– Окей. И что это означает?

– На самом деле ничего хорошего. Это наследственное заболевание, при котором происходит нарушение функции нервных клеток спинного мозга, приводящее к прогрессирующему развитию слабости мышц, их атрофии и, в итоге, обездвиживанию пациента.

– Это поэтому Даша не ходит?

– И даже не ползает.

Я растер ладонью лицо. Вот мало мне было проблем... Теперь еще и это. Мелькнула трусливая мысль – уйти. Это не мой ребенок и не моя ответственность. И знаете, я бы, может, свалил, если бы так сильно не разозлился на собственное малодушие. Остаться меня заставила именно злость! И отвращение... к себе самому... настолько поверхностному и очерствевшему.

– И? Это как-то лечится? Кажется, речь шла о какой-то крупной сумме.

– Долгое время СМА считалась неизлечимой, но в две ты-

сячи шестнадцатом году на фармацевтический рынок вышел препарат «Спинраза»...

– Отлично. Нам подходит.

– Все-таки дослушайте. Данная терапия очень дорогостоящая. В первый год необходимо сделать шесть инъекций. Одна из них стоит порядка ста тысяч евро.

– Ни хрена себе...

Если заведующую и смутила моя грубость, то виду она не подала. И продолжила:

– Затем препарат колется пожизненно. По три инъекции в год.

Не то чтобы я был великом математиком, но даже мне было нетрудно посчитать, что такое лечение просто неподъемно. Даже для меня...

– И все? А дешевле нет никаких вариантов?

Лидия Михайловна покачала головой:

– Нет. Но есть вариант получше. Совсем недавно выпустили еще один препарат. Золгенсма. Это настоящий прорыв в генной терапии. Лекарство не только останавливает течение болезни, но и улучшает общее состояние пациента. Нужна всего одна инъекция...

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. А в чем подвох?

– Ну, во-первых, препарат не сертифицирован в нашей стране. Во-вторых, его стоимость превышает два миллиона долларов...

Собственно, этого уже было достаточно, чтобы мои руки опустились окончательно, но, будто этого было мало, Лидия Михайловна продолжала:

– А еще у нас очень мало времени на сбор денег. Чтобы препарат подействовал, его нужно ввести ребенку до того, как ему исполнится два года.

Глава 4

– Мама! Ма-а-а-ам! Вставай, тут тебе с работы звонят.

– Уйди, девочка. Я тебя не знаю, – просипела я, пряча голову под подушкой. Настька захохотала. Вырубила пылесос – слава те, господи! – и почесала мне пятку.

– Я серьезно, ма. От самого главного главнюка звонят. У тебя ж так номер его приемной записан?

Я тяжело вздохнула. Перевернулась на бок и, вытянув руку из-под одеяла, пошевелила пальцами, безмолвно требуя подать телефон.

– Как думаешь, мне уже можно брать деньги за услуги секретаря? – задумчиво поинтересовалась Настька, протягивая мне смарт. Я пробормотала что-то невнятное. Дочка закатила глаза и демонстративно вдела в ухо беспроводной наушник, чтобы после снова запустить Кёрхер. Мне бы порадоваться такому трудовому энтузиазму Настьки, но, во-первых, потом эта мартышка непременно выставит мне счет за уборку, а во-вторых, ни хрена ведь не слышно! А значит, нужно выбираться из-под укрытия одеялка и отправляться в холодный жестокий мир... Я зевнула. Спустила ноги на пол и пошлепала в кухню. К счастью, там было относительно тихо. Запустив кофемашину, я подождала, пока зерна смелются, и только потом приняла вызов.

– Да, Катя... Что там у вас за срочность с утра?

– У нас завал, Вер... Тебя шеф к себе вызывает. Срочно!

– Вы издеваетесь? У меня первый законный выходной за... Господи, я даже не знаю, за сколько времени! Мы вчера снимали до трех! А потом еще этот случай с подкидышем...

– Какой еще случай?! Впрочем, нет... При встрече расскажешь, если я до этого не помру...

В трубке то и дело звучали телефонные трели параллельных вызовов, Катя отвлекалась то на один звонок, то на другой... Я терпеливо ждала, когда хоть что-нибудь станет ясно.

Чашка наполнилась. Воздух пропитался бодрящим ароматом кофе и вонью выхлопных газов – зря я открыла окно.

– Извини. Здесь из правительства звонили... Что им не сидится спокойно... Так вот, о чем это я? Главный ждет. Тебе часа хватит, чтобы собраться?

– Да чтоб его! Кать, выходной...

– Это я уже слышала. Ответ, как ты и сама понимаешь, неверный.

Дерганым движением я закрыла окно и прислонилась лбом к раскаленному стеклу. Видит бог, я обожала свою работу, но иногда даже мне хотелось от нее отдохнуть! Сходить куда-нибудь с дочкой или любимым мужчиной... Банально провести вечер перед телевизором. Впрочем, кого это волновало? Да никого. И не то чтобы у меня был хоть какой-нибудь выбор.

– Буду через два часа! – буркнула в трубку.

– Ты – чудо! Как там твой красивый здоровенный, кста-

ти? – параллельный телефон опять зазвонил, Катя чертыхнулась и, перед тем как оборвать связь, повторила: – А впрочем, расскажешь при встрече. Здесь и впрямь какой-то дурдом.

Дурдом у них, понимаешь ли! А мне что до этого? Я опустилась на стул, закинула босые ноги на соседний и, притворившись, будто мне все нипочем, неторопливо отпила кофе.

– Мне вчера папа звонил, – донесся из коридора голос Настьки.

– Ну, надо же...

– Звал к себе на пару дней.

– И как? Ты хочешь поехать?

– Еще не решила. – Голос приблизился.

– У тебя есть время подумать.

– А ты не будешь против?

– Даже не знаю. Он тебя когда в последний раз забирал? – я, наконец, открыла глаза и опустила ноги на прохладный покрытый мраморной плиткой пол.

– Давно. – Настька нахмурилась, а я в который раз подивилась тому, как быстро она у меня выросла. Совсем ведь большая. Пятнадцать лет... Я рано родила. Родители были в ужасе. В один голос твердили, что я не готова, и что ребенок непременно испортит мне жизнь. И как же хорошо, что я их не послушала! Я много о чем жалела, но только не о том, что тогда, в восемнадцать, нашла в себе силы выстоять одна против, кажется, целого мира.

– Вот именно... С другой стороны, ты всегда можешь вызвать такси, если тебе что-то не понравится. Или позвонить мне – я приеду.

– Что-то ты подозрительно быстро согласилась, – недобро сощурилась дочка. – Я чего-то не знаю?

Угу... Вот же мартышка! Такую бы проницательность, да в нужное дело... И вот как ей прикажете объяснить, что Олег пригласил меня к себе? Она ж не маленькая. Сразу поймет, что это приглашение подразумевает определённого рода продолжение вечера. Ужасно неловко... Ужасно! Особенно и потому, что это будет наш первый раз. Кому расскажи – не поверят. С Вавиловым мы встречались не один месяц, а до секса дело так и не дошло. А ведь хотелось, и очень... У меня тысячу лет не было мужчины. Тысячу долгих, наполненных одиночеством и неудовлетворенностью лет...

– Ой, мам, ты покраснела!

– Да ну тебя... – пока Настька сушила зубы, я забрала из ее рук наушник и сунула в ухо. Потому как лучшая защита – это нападение. А Скриптонит в ушах дочери – повод более чем достойный. Не то чтобы мне самой не нравилась его музыка...

– Насть, я же просила тебя не слушать этот кошмар...

– Скрип – крутой, – с непрошибаемой подростковой уверенностью заявила моя великовозрастная дочурка. И по совести, я должна была с ней согласиться, но по сути...

– Слишком много мата на квадратный сантиметр текста.

– Ну, вот и не слушай, если тебе не нравится, – отрезала Настя, ловким движением выуживая из моего уха капельку и тут же от меня отскакивая. Признаться, в такие моменты я совершенно терялась. Она была еще такой маленькой, но уже такой большой... Что правильно для неё, что нет? Кто скажет? Мне не хотелось ограничивать ее свободу. Но в то же время я задавалась вопросом, где заканчивается свобода и начинается вседозволенность?

– Ты же знаешь, что наркотики – это плохо? А мальчик, который вдруг, наслушавшись Скриптонита, назовет тебя сучкой – сам козел, которого надо слать подальше?

– Ма-а-ам! – взвыла Настька. – Ну, я что, по-твоему, на дуру похожа? Конечно, я все понимаю... И вообще, разве тебе не надо собираться на работу?!

– Черт! – опомнилась я. Помчалась к выходу, по пути бросив чашку в раковину. И случайно пребольно ударилась мизинцем о ножку стула. Пока я одевалась и приводила себя в порядок, нога распухла. Понятным стало, что ни в одни туфли я не влезу. Настька порылась в гардеробе и нашла мои поношенные кроссы.

– Вот...

Я сунула ногу в ботинок. Было довольно комфортно. Но с деловым костюмом мои выдавшие виды Адики не смотрелись от слова совсем.

– Ну, как? – беспокоилась дочка. – Удобно?

– Угу. Неудобно будет разве что перед людьми.

Настька прыснула со смеху. Повернула меня к зеркалу и задумчиво почесала в белобрысой макушке:

– Может, тебе джинсы надеть?

– А, черт... Времени уже нет. Пойду я!

– Сильно не гони.

– Спасибо, мамочка.

– А как быть с отцом? – крикнула мне вдогонку.

– Как решишь! Только позвони! И вообще, я надеюсь, что справлюсь быстро...

Что ответила Настька, я уже не слышала – двери лифта закрылись, и мы с тихим урчанием поехали вниз.

По дороге к телецентру пришлось потолкаться в пробках. Так что в приемную гендиректора я вошла, опоздав не меньше, чем на четверть часа.

– Где тебя черти носят?! Все уже собрались... – рыкнула Катя.

– Кто эти «все»? Да постой ты! Что вообще случилось?!

– Карапетяна повысили. Вот что! Думаю, тебя на его место хотят запихнуть.

Я открыла рот, но не успела ничего произнести, потому как дверь в приемную снова открылась, и на пороге возник... Гуляев. Собственной персоной. А, собственно, чего я хотела? Это же его шоу лишилось выпускающего продюсера за пару недель до старта нового сезона!

– Шеф у себя? – покрутив на пальце ключи от машины, поинтересовался он.

– Уже давно! Вас двоих только и ждут.

– Наверное, потому что у нас выходной вообще-то.

– Хоть ты не начинай, а? – взмолилась Катя. – И давайте уже... двигайте-двигайте, пока Королев окончательно не расвирепел.

Гуляев хмуро на меня уставился, а потом дурашливо взмахнул рукой в направлении двери:

– После вас.

Катя улыбнулась. Я закатила глаза. Клоун – он и в Африке клоун.

Стараясь не хромать, я прошла в распахнутые настежь двери. В переговорной, кроме генерального, было еще полно народу.

– Добрый день. Прошу прощения за задержку...

– Ничего-ничего... Заходите. Присаживайтесь. Я вас надолго не задержу. Стас, ты уже в курсе, что Карапетян переходит в дирекцию кино...

– Не то, чтобы... На последнем совещании обсуждалась такая возможность. Но не более.

– Ну, тогда у меня для тебя неприятные новости. Или... приятные. Тут как посмотреть, – улыбнулся генеральный. – Все ж Вероника гораздо симпатичнее Карапетяна. Да и вы, вроде бы, не чужие люди.

Я с трудом подавила истерический смех. Да уж... Знал бы Королев, как мы с Гуляевым расставались – ему бы и в голову не пришло поставить нас в один проект. Но ни я, ни Стас

не распространялись на эту тему. Мне было слишком больно и стыдно... Ему... понятия не имею. Может, просто хотел поскорее забыть о таком позорном факте своей биографии, как наш брак.

– А как же мои проекты? – возразила я, с трудом собравшись с мыслями.

– Да брось, Вер. Я тебе настоящее дело предлагаю. Ты знаешь, с каким рейтингом мы уходили на каникулы?

Я перевела взгляд на Гуляева. Тот самодовольно усмехнулся и, сложив руки на груди, вольготно откинулся в кресле.

Козел...

– Не хочу показаться неблагодарной, но у меня дочь, а шоу вечернее и...

– Вер, у меня желающих занять это место – вагон. Не хочешь – никто не станет тебя уговаривать.

Как будто я этого не знала! Звездой у нас был Гуляев. А все остальные – так... Обслуживающий звезду персонал. Даже удивительно, что для Стаса новость о моем возможном назначении тоже стала полнейшей неожиданностью. Я думала, Королев обсуждает с ним такие детали.

– Так что? Ты согласна? Времени нет совсем...

Разве я могла сказать «нет»? От таких проектов отказываются только дураки! Я столько лет мечтала поучаствовать в чем-то таком, глобальном, столько к этому шла, работая, как проклятая... Доказывая, что я без отца сама по себе че-

го-то стою, как специалист. Но в моих мечтах не было Гуляева. Факт...

– Ну, если Стас не против.

– Почему я должен быть против?

Один бог знает, чего мне стоило выдавить из себя улыбку и сладким голосом пропеть: «Ну, мало ли». Ведь на деле таких причин было великое множество.

– Отлично. К работе приступай незамедлительно.

– А как же выходной?

– На том свете отдохнем.

Прекрасно. Настька очень обрадуется... Хорошо, что в начале лета мы успели смотаться в Италию. Теперь-то вообще непонятно, когда удастся выбраться в отпуск.

– Наверное, мне оформиться нужно...

– Ага. Кате скажи. Она напряжет, кого надо.

Я кивнула, попрощалась со всеми присутствующими и похромала к выходу. В моей голове воцарился хаос, а в душе... В душе был полный раздрай.

– Ну, что там? Ты согласилась?

– Угу. Шеф сказал готовить документы на перевод.

– Отлично! Там знаешь какая прибавка... – заговорщицки подмигнула Катя.

– Боюсь, там придется так ишачить, что никаких денег не захочется.

– Да брось! Деньги еще никому не мешали... Слушай, а что это у тебя с ногой?

– Пустяки. Ударилась...

Отвлекая от разговора, у меня зазвонил телефон. Я повернула к себе экран и улыбнулась.

– Привет...

– Привет!

– Не разбудил?

– К несчастью, нет.

– А что так?

– Все то же. Меня в срочном порядке вызвали на работу.

– Только не говори, что наши планы срываются, – простонал Олег. Я рассмеялась. В его голосе сквозило такое явное неприкрытое разочарование, что это было действительно смешно... И очень... очень трогательно.

– Нет. Наши планы на вечер остаются в силе. К тому же... – я закусила губу, усугубляя драматичность момента паузой, – Настька сегодня собиралась остаться у отца.

– Серьезно? То есть ты сможешь остаться на ночь?

– Ну, если ты меня не прогонишь... – опять засмеялась я, развернулась и едва не налетела на стоящего за спиной Гуляева.

Глава 5

Ну, и какого черта он на меня так пялится? – вот, о чем я подумала первым делом, когда наши взгляды встретились. Да, ситуация вышла дурацкая. Но из нее можно было выйти с достоинством. Например, как-то остроумно прокомментировать происходящее. Гуляев бы оценил... Но, как назло, на ум ничего не шло. Это Стас у нас был королем юмора и импровизации. А мне только и оставалось, что смотреть в его глаза, старательно игнорируя потрескивающее вокруг напряжение.

– Ты закончила?

Гуляев чуть приподнял холеную бровь и с намеком перевёл взгляд на телефон, который я все еще прижимала к уху.

Я демонстративно отбила звонок, предварительно пообещав Вавилову перезвонить, сунула трубку в сумочку и, сладко улыбнувшись, пропела:

– Да. Я закончила. Ты что-то хотел?

– Угу. Я собираю группу... Раз уж мы все здесь, поработаем над первым выпуском.

– Ты шутишь? У меня...

– Выходной? – бровь Гуляева поднялась выше. А я осеклась.

– Похоже, уже нет, – заметила сухо.

– Вот именно. Знаешь, куда идти?

Я отрицательно мотнула головой.

– Тогда я тебя провожу, – ошастливил меня Стас, пропуская к выходу из приемной. Я с тоской покосилась на Катю, с которой не успела перекинуться даже парой слов, и похромала к выходу. Моя бедная нога болела, чем дальше, тем сильнее.

– Что у тебя с ногой?

Я запнулась.

– Ничего особенного. Ушиб.

Между нами опять повисла неловкая тишина, которую Гуляев нарушил уже у лифтов:

– Как Настька?

– Да нормально. Сейчас на каникулах, а вообще... Учится. Ходит в танцевальную студию. И в художку.

– И что... есть какие-то задатки?

Не знаю, почему, может, я и впрямь охладела ко всему в гораздо меньшей степени, чем изначально думала, но попытки Гуляева завести ни к чему не обязывающий разговор меня только все сильнее злили.

– Конечно... Есть. Задатки нормального человека.

Тихонько выругавшись под нос, Стас пригвоздил меня тяжелым неподъемным взглядом к полу.

– Я же пытаюсь быть вежливым, Ника...

– Со мной? – искренне удивилась я. – Зачем? Я тебе уже знаю цену... Побереги силы для тех, на кого ты действительно сможешь произвести впечатление.

Высказала то, что накипело... И тут же пожалела. Не потому, что в моих словах не было правды. Но потому, что сейчас было не самое удачное время к ней возвращаться. Ведь мы планировали работать вместе. И вряд ли у нас это получится, если я каждый раз буду напоминать ему о том, как он со мной поступил. Но... с другой стороны, как иначе? Может быть, зря вообще я согласилась? Хотя... какое, к черту, «может»?! И дураку понятно, что напрасно я в это все ввязалась. Отец, когда узнает, с ума сойдет. А Олег? Я даже представлять не хотела, какой будет его реакция.

– Мне жаль, что я тогда так с тобой поступил.

Это было неожиданно. Очень. Так неожиданно, что я даже закашлялась. И что на это ответить? Шепнуть, куда он может засунуть свои запоздалые извинения? Или найти в себе силы принять их?

– Угу... – буркнула я, так и не определившись.

– Я поймал себя на том, что всегда останавливаюсь у детских площадок. Сейчас понастроили, знаешь, таких... красивых и современных. С безопасным покрытием и прочим дерьмом, а раньше...

– Не надо, – оборвала пустившегося в воспоминания бывшего, чувствуя, что если не сделаю этого... расплачусь или вцеплюсь в его морду. – Не смей. Не знаю, что творится у тебя в голове, и знать не хочу... Но не думай, что ты мне покаешься, и я отпущу тебе все грехи. Справляйся с этим сам, понял?

Двери лифта, наконец, открылись, и я вывалилась из кабины, жадно хватая ртом воздух. Торопливо шагая вперед, чтобы он только не видел, как до сих пор мне больно...

– Ника, нам в другую сторону.

Сквозь нарастающий шум в ушах до меня донесся тихий голос Гуляева. Такой... особенный и запоминающийся голос. Стоит раз услышать – и все. Уже ни с кем не спутаешь.

– Конечно. Ты иди. Я только, – судорожно осмотрелась по сторонам и, увидев кулер, с облегчением пробормотала, – я только налью воды.

К счастью, Гуляев, обычно не отличающийся тактичностью, ушел. И только тогда я выдохнула. Достала стаканчик, набрала воды, чуть не расплескав половину, и залпом выпила. Налила еще. На этот раз руки тряслись уже меньше. Даже странно, что меня так пробрало. Я-то уже давно не вспоминала о прошлом. И жила вполне нормальной, счастливой жизнью. До тех пор, пока этот козел не стал мне каяться... Делая вид, что и ему не все равно.

С хрустом смяв стаканчик, я выбросила его в стоящую тут же урну и пошла к переговорной.

– А вот и Ника. Ждем только тебя... Друзья, кто не знает, Вероника Пестова. Наш новый выпускающий продюсер.

Дальше последовало представление мне остальных присутствующих. Одних я уже знала, а некоторых, например, большинство сценаристов, видела в первый раз.

– Так, я, вообще, зачем вас собрал? Есть тема... Надо бы

внести изменения в сценарий первого выпуска.

– Что не так? – загудели. – Уже ведь все прогнали.

Я открыла лежащую перед глазами папку и пробежалась по тексту.

– Нам нужно вставить сюжет о больной девочке и объявить сбор средств. Предлагаю порезать рубрику «Детский взгляд».

– В развлекательной программе? Это шутка? – возмутился толстый как туча парень, в котором я узнала одного из самых главных креативщиков канала.

– Не самая лучшая идея. Обычно такие сюжеты вставляют в выпуск новостей... – согласилась Таня – главный редактор.

– Но ситуация касается меня лично... – Гуляев встал. Может, мне показалось, а может, он и впрямь на меня покопился, когда обходил стол по кругу. – Мне кажется, из этого можно замутить классную историю. Смотрите, как было дело... Мы писали новогоднюю программу, когда в последний съемочный день я нашел на площадке малышку... Подкидыша. – В переговорной поднялся шум, и Стас был вынужден постучать по столу, чтобы оборвать все разговоры. – Дайте договорить... Вчера мне позвонили и сказали, что девочка очень больна. Если бы речь шла о меньшей сумме, я бы не стал вмешивать в это канал. Своими бы силами справился. Но на лечение уйдет более двух лямов зелени. И на сбор этих денег остался какой-то месяц...

Гуляев – благодетель? Это прям что-то новое. Я закусила

щеку и сделала вид, что меня действительно крайне увлек сценарий программы. Отстраняясь от обсуждения этой темы. Не зная, как вообще реагировать на происходящее...

– А почему молчит наш выпускающий продюсер?

Если бы можно было, я бы забралась под стол. Только чтобы вообще ничего не говорить.

– Соглашусь, что эта тема – не для вечернего развлекательного шоу, – пробормотала я, откашлявшись. Разрываясь между пониманием правильного и желанием помочь. Не просто какому-то далекому абстрактному человеку, а девушке, которую я успела узнать.

– Тут – смотря как преподнести. Давайте обыграем ситуацию. В подкасте я расскажу, при каких обстоятельствах нашел Дашку, поведаю о ее диагнозе... Это можно сделать смешно...

– Такой способ подачи информации вряд ли будет успешным. Тут, Стас, на жалость надо давить.

Гуляев помедлил, обдумывая слова Гарика, а потом принялся с азартом что-то ему объяснять. И было видно, что он горит своей идеей. По-настоящему. Как и всем, что делает. Он шутил, быстро записывал пришедшие в голову мысли, спорил до хрипоты с редакторами и сценаристами, но это всегда, даже в запале было... предельно корректно, что ли. Уважительно. Гуляев давал высказаться всем. Выслушивал аргументы, соглашался там, где мог и не делать этого, лоббируя свои интересы. Я впервые видела, как он работает. И ме-

ня это... восхищало. Особенно потому, что мне было с чем сравнивать... Начальников у меня до него было, как грязи.

Черт. Только этого мне и не хватало для счастья. Восхищения! Господи боже...

– Ну, что скажешь? – выводя меня из задумчивости, про-басил над ухом один из сценаристов – Иван.

– Скажу, что мы можем задействовать Стаса в репортаже о девочке для большего охвата. Но выйти он должен в новостях. Луканина я возьму на себя.

– И ты, Брут, – нахмурился Гуляев.

– А что поделать? – пожалала я плечами, сгребая со стола документы. – Это я могу взять с собой? Хотела узнать побольше обо всех наших рубриках...

– В смысле? – насторожилась Таня.

– Никогда не видела.

– Ты никогда не видела Гуляй-шоу?

– Да как-то не приходилось, – ответила я. Еще раз проверила в сумочке – ничего ли не забыла, дернула молнию и поправила ремешок на плече. – Что? Почему вы все на меня так смотрите?

– Ты не видела ни одного выпуска самого рейтингового шоу страны? – сощурился Стас.

Ни единого. С чего бы мне это делать?

– Я ведь уже сказала... Извините, ребят, я, может, еще успею на послеобеденную летучку к Луканину. Вдруг удастся выторговать у них немного эфирного времени в вечерних

новостях? Стас, ты, если что, когда будешь готов к записи?

– В любой момент, – ответил Гуляев, глядя на меня с тем самым своим знаменитым прищуром... Теперь вокруг его глаз собирались морщинки. А шесть лет назад их еще не было.

– Ну, тогда я свяжусь с тобой, когда все устрою. Номера для связи мне уже выдали, – я похлопала по сумке, где лежала распечатка с контактными номерами телефонов, улыбнулась застывшим в недоверии лицам и первая покинула переговорную.

К счастью, в дирекции информационных программ у меня оказалось достаточно связей, чтобы, заручившись поддержкой главреда, получить добро на съемку сюжета о нашем подкидыше в ближайшее время. Домой я возвращалась уставшая, но довольная собой. О Настьке вспомнила уже в лифте. Проверила телефон – дочка, отчаявшись мне позвонить, накатала сообщение в Телеграм, предупредив, что останется у отца. Там же зависли неотвеченные от Олега. Вот же черт! Я набрала его номер и, зажав трубку плечом, стала искать ключи.

– Привет! Извини, так замоталась на работе, что только увидела твои сообщения...

– Привет. Ну, да... ты так и не перезвонила, вот я и решил напомнить о себе.

– Я о тебе не забывала, – улыбнулась, справившись, наконец, с замками.

– Меня это несказанно радует. Тем более что я уже думал ехать за тобой.

– Уже? А который час? – растерялась я.

– Ужасно поздний! Только не говори, что ты не готова!

Не готова – это мягко сказано! Вообще-то я планировала сходить в СПА, чтобы в нашу первую ночь поразить Олега своей красотой и свежестью. Но все мои планы, как вы понимаете, накрылись медным тазом. Из зеркала на меня смотрела замученная тетка, главным желанием которой было как следует отоспаться.

– Я только переступила порог. Дашь мне немного времени, чтобы принять душ?

– Даже готов потерять тебе спинку...

Голос Олега стал ниже. Чувственнее... Я сглотнула, ощущая, как на теле выступают мурашки. Радуюсь им, как своим добрым друзьям, которых долго не видела.

Олег приехал быстро. Минут через сорок. Я только и успела, что обмыться да переодеться. Чтобы не терять времени, он даже подниматься не стал. Я сама вышла к нему навстречу. Олег стоял возле своего Туарега, сжимая в руке букет белых лилий. Так мило. Мне давно не дарили цветов.

– Привет, – улыбнулась я, касаясь губами его щеки, заросшей частой белесой щетиной. Олег отличался от всех других моих мужчин не только профессией, но и мастью. Если честно, он вообще был не в моем вкусе. Но даже это было скорее плюсом. Ведь раньше меня тянуло на каких-то смаз-

ливых подонков... – Давно ждешь?

– Не-а... Вер...

– М-м-м?

– А ты не против, если мы чуток изменим нашу программу? – Олег распахнул передо мной дверь. Я забралась в салон. Он навис надо мной, подперев локтем стойку.

– В каком смысле?

– Я этих всех ухаживаний уже вот так наелся. – Вавилов резанул рукой воздух у горла и развил мысль: – Ресторанов и долбанных выставок... А тут еще день такой – на работе дурдом.

– И-и-и?

– Поедем домой, а? Или это слишком... в лоб предложение?

Олег попытался сделать вид, что смутился, но вышло у него не очень. Я запрокинула голову и рассмеялась.

– Это да? Или нет? – усмехнулся он, демонстрируя милые ямочки на щеках.

– Да... ну, конечно, да, глупый.

Вавилов издал что-то вроде победного клича, захлопнул дверь и, оббежав капот, устроился за рулем. Улыбнулся, наблюдая за мной, смеющейся, и провел костяшками пальцев по моей скуле. Я облизала губы, замерев в томительном предвкушении.

В квартиру Олега мы ввалились, целуясь и сдирая друг с друга одежду. На пол полетели его китель и мое летнее пла-

ть. Щелкнула пряжка ремня. Олег оторвался от моих губ, чертыхнулся. Брюки упали к его ногам, и он никак теперь не мог снять обувь. Я хохотнула и прижалась губами к его мощной шее.

– Мне бы в душ, Вер...

А мне не хотелось его отпускать... Я развела полы рубашки, прошлась ладонями по широкой груди, вниз. Он был в неплохой, хоть и не идеальной форме, но это тоже меня устраивало. Мне за глаза хватило идеалов... за глаза. Олег подтолкнул меня к шаткой тумбочке. Усадил сверху и потянулся к свалившимся брюкам... И практически в тот же момент у него зазвонил телефон.

Глава 6

Из дирекции новостей позвонили практически сразу же. Все же Нику ко мне перевели не зря. Она отлично себя зарекомендовала со старта, выторговав нам пару минут в послезавтрашних итоговых новостях. Но даже это не прощало ей того, что она не видела ни одного выпуска моего шоу. Ни единого! Понимаете? А я, признаться, порой представлял, что Ника сидит по ту сторону экрана и если не гордится мной (так далеко я не забегал даже в самых смелых своих мечтах), то хотя бы... хотя бы больше не злится.

Не то чтобы я вспоминал о ней часто... Нет. Обычно я, напротив, старался не думать о том времени. Так что мысли о Нике врываются в мою голову скорее тайком. Такими себе мародёрами... Стоило только потерять бдительность – и все. Здравсте, пожалуйста... А главное, чем дальше, тем чаще это случалось. Время не лечило, нет... Не стирало из памяти того, что забыть хотелось. Того, что позорной унижительной летописью было высечено у меня внутри.

Тот неловкий момент, когда, с одной стороны, тебе за самого себя стыдно, а с другой – ты понимаешь, что иначе поступить просто не мог. Или... выбор все-таки был?

Я отошел от окна и попытался сосредоточиться на новом выпуске шоу Джимми Киммела, которое планировал посмотреть до того, как меня вновь накрыло, но перед глазами

все равно стояла она.

Знаете, я даже в страшном сне не мог представить, что мне придется жениться на Нике. Встречаться время от времени, трахать – да. Потому что Ника была моим входным билетом в тот мир, куда я не мог попасть сам, сколько ни пытался. Мир, где обитали воротилы из теле- и киноиндустрии, с которыми у меня... да просто не было шансов пересечься в обычной жизни. И ведь все шло как надо. Мой план работал. А потом дал сбой... Когда Ника сообщила мне о своей беременности. Она была такая счастливая в тот момент. Я же чувствовал себя хищником, угодившим в клетку. Мне даже казалось, будто я слышал лязг, с которым эта самая клетка за мной захлопнулась. Он потом еще несколько дней звенел у меня в ушах... Этот звук. Нашу свадьбу я помнил плохо. Слишком много выпил я в тот ненастный день.

Настроение резко испортилось. Я щелкнул пультом, потому что один черт ничего перед собой не видел, и схватился за телефон. Позвонил Гарику – своему сценаристу, узнать, как продвигались дела с сюжетом. Было решено, что мы запишем мой стенд-ап², вставим несколько лайфов³, снятых в больнице, а на перебивке⁴, как замануху – пустим кад-

---

² Стенд-ап (на телевидении) – синхрон (реже лайф) самого корреспондента на месте события, как правило, заготовленный заранее.

³ Лайф – синхрон, в котором герой сюжета двигается или совершает какое-либо действие.

⁴ Перебивка – план, который накладывается в месте склейки двух разных кусков синхрона.

ры-спойлеры из новогоднего шоу.

– Слушай, а с больницей-то мы о съемке договорились?

– Вера обещала все организовать, – повысил голос Гарик.

– Вера?

– Ну, привет! Наш новый выпускающий...

Ах да. Теперь Вероника предпочитала, чтобы ее звали так.

Интересно, что на неё нашло. Вера...

– Точно... Все время забываю. Слушай, что у вас там за дурдом? – перевел я тему, чуть отставляя трубку, чтобы не оглохнуть от льющегося мне прямо в ухо шума.

– Да мы тут в клубешник один забурились. На Профсоюзке, знаешь? У Гара дочь родилась – он выставляется. Хочешь, подтягивайся...

Приглашение прозвучало дежурно. Ведь в последнее время я забил на светскую жизнь... Просто пресытился ею в один момент. Пережрал... До отвращения. И во всяких «клубешниках» меня уже было не встретить.

– Это можно. Адрес скинь в Директ.

– Ты это серьезно?

– Почему нет? Начнется сезон – тут уж будет не до веселья.

– Димон, Гар... К нам Гуляев едет, – заорал в трубку Гарик так радостно, будто вместо меня обещала пригнать Бейонсе.

Я отбил звонок и пошел одеваться. Теперь я не слишком заморачивался по поводу внешнего вида. По крайней мере,

там, где речь не шла о работе. Но я по-прежнему любил модные тряпки. Трушный мерч⁵, который сменил детдомовские обноски и купленное в сэконде барахло. Я понимал, что все эти дольчегаббаны и прада, заполонившие мой гардероб, – квинтэссенция всех моих детских комплексов. Но я не собирался с ними бороться. В конце концов, это то, что я мог себе позволить...

К клубу я добрался довольно быстро. На входе тоже не возникло проблем – я уже давно был во всех VIP-списках. Но даже несмотря на это, у меня внутри до сих пор что-то екало, когда я проходил мимо вышибал. И сколько бы ни прошло времени, я один черт чувствовал себя самозванцем на чьем-то празднике жизни и так и ждал, что мне укажут на дверь. И это дерьмо меня здорово напрягало. Напрягало так сильно, что в попытке избавиться от этих комплексов я даже обратился к психотерапевту. И мы регулярно прорабатывали этот момент на наших встречах. Вот только результата пока не было.

К психотерапевту... Понимаете? Я ходил к гребаному мозгоправу...

В полутемном гудящем, как улей, зале найти своих было не так-то легко. Но, к счастью, я заметил Гара у бара. Тот был уже хорошо вмазан и счастлив просто до соплей. Я стукнул

---

⁵ Трушный мерч – сленговый термин, который используется в сфере ритейла и в быту для определения товаров с символикой определенного бренда. Оригинальное изделие.

приятеля по спине.

– Выглядишь страшно довольным.

– Ага... Девка. Прикинь, я – батя.

– Это довольно сложно. Прикинуть...

– Эй! – подтолкнул меня плечом Гар. – Я остепенился.

– Вижу, – откровенно засмеялся я и взмахом руки велел бармену налить мне виски. Красивыми отточенными движениями тот плеснул бурбона в стакан, добавил льда и подтолкнул хайбол в мою сторону. Я перехватил его уже у самого края стойки. Поднес к губам, но так и не отпил, наткнувшись на полный неприкрытого интереса взгляд стоящей чуть поодаль девицы. Ей было интересно, да... Не то, что мне. Я так устал от того, что бабы сами на меня вешались, лишая самого главного... удовольствия от процесса охоты, что в какой-то момент вообще перестал получать удовольствие от секса. Даже в дрочке было больше азарта. Ей богу.

Я прочертил глазами линию от слишком ярко покрашенных глаз, вниз по тонкой шее, к впечатляющему декольте и еще ниже... по длинным тощим ногам в туфлях-копытцах. Разве такие не вышли из моды еще пару лет назад?

– Ну, ты идешь? Или тебя уже можно не ждать? – подтолкнул меня в бок локтем Гар и с намеком покосился на девицу. Та улыбнулась. Я задумчиво постучал по стойке, прикидывая в уме, стоит ли она моего времени. Да и вообще... насколько оно мне надо.

– Иди сам. Я догоню.

– Мы в лоджии. По лестнице – вторая дверь направо, – подмигнул Гар.

Я проводил его взглядом и переключился на девушку. Ее звали Алена. Мне понадобилось пару минут, чтобы прийти к неутешительным выводам: даже секс не станет мне достойной наградой за терпение, такой ограниченной она оказалась. Глупость я не переносил. Все, что угодно, но только не глупость... У меня на нее была аллергия. Я махом осушил стакан, вытряс в рот остатки льда, чтобы остыть, и встал со стула.

– Эй, ты куда, Стас? – ошарашенно уставилась на меня Алена, решившая, будто уже сорвала джек-пот в моем лице.

– Извини. Срочное дело.

– Ты серьезно? – прилетело в спину, но я лишь взмахнул рукой и пошел к лестнице. Про какую там дверь говорил Гар? Так и не вспомнив, я взлетел по ступенькам и толкнул первую попавшуюся. Картина мне открылась занятная. Я чуть не блеванул. Дима Кравец, заходящая звезда нашей многострадальной эстрады и по совместительству первый муж моей бывшей жены, склонившись над зеркальной поверхностью стола, как раз сметал ноздрей дорожку кокса.

– Ты бы хоть закрылся, – заметил я, но Димыч был таким обдолбанным, что ему все нипочем было. Я тихо выматерился, захлопнул дверь, чтобы не видеть этого дерьма, и в тот же миг ощутил легкий толчок в бок...

– Эй, полегче.

Врезавшаяся в меня девчонка резко отступила. Подняла на меня наполненный паникой взгляд, и я... охренел. Натуральным образом. В который раз за этот вечер.

– Настя?

Она тоже меня узнала. За секунду на лице девочки сменилось столько самых разных эмоций. От облегчения до страха. Чего она боялась?

– Эй, дэвачка! Ты куда это собралась?

Настька затряслась как осиновый лист, вся сжалась. Я повернул голову на звук. Выйдя из двери, расположенной в глубине коридора, к нам направлялся разгоряченный горец... Его намерения были вполне очевидными, недаром ведь вон как Настьку трясло... Я перевел взгляд на девочку. Вымахала она, конечно, будь здоров. Может, даже выше Ники стала. А ведь все равно – дите дитем. Непонятно только, как оказалась в этом гадюшнике.

– Спускайся вниз и жди меня возле вышибал на входе, – велел я Насте. Думал, она спорить будет – раньше ведь, когда малой была, все время пререкалась, хлебом не корми. Но в этот раз, видать, струхнула по полной. Даже не пискнула. Рванула со всех ног к лестнице, я даже толком не сумел сориентироваться.

– Какого хре... – сжал кулаки мужик, но в тот же миг я вышел из тени, и пыла в нем поубавилось. – Гуляй-шоу? Ну, ни хрена себе, брат. А я не признал тэбя...

Что я ненавидел практически в той же мере, что и глу-

пость? Фамильярность. К несчастью, чем известнее я становился, тем чаще сталкивался и с тем, и с другим. Но тут уж было не до политеса. Ситуацию следовало замять. И желательно – отделаться при этом малой кровью. Что представлялось не так-то легко, учитывая темперамент кавказцев и ситуацию в целом.

У меня ушло почти четверть часа, чтобы все уладить. Сфотографироваться с друзьями недоделанного Донжуана и выпить с ними же. Когда я всеми правдами и неправдами освободился от их компании, думал, что Настюхи уже и след простыл. Но она, бледная, как мел, стояла чуть в стороне от выхода, нервно теребя бахрому на сумке.

– Маме не звонила?

– Нет, – прошептала она, облизав губы.

– Позвони... – велел я, пропуская ее в широко распахнутые двери. Настя запнулась и отчаянно затрясла головой.

– Нет! Не надо... Не хочу портить ей вечер.

Серьезно? Портить вечер?! Что-то мне подсказывало, что Ника хотела бы знать, куда угораздило вляпаться её несовершеннолетнюю дочку.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой чуть не произошло? Как ты вообще очутилась в компании этих... этих...

Я не мог подобрать цензурных слов. Вот серьезно. И почему-то только сейчас, оказавшись в безопасности, я до конца осознал, чем для Настьки могло закончиться дело, не окажись я поблизости.

– Насть! Ну, что ты молчишь? Ты сюда, что, с подружками забурилась? Нервишки захотелось пощекотать, или дохрена взрослая стала?

Девчонка переступила с ноги на ногу. Пожевала губу, а потом закинула на плечо ремешок сумочки и бросила мне короткое:

– Да пошел ты. Тоже мне, полиция нравов...

– Постой! Я не хотел тебя обидеть. Но Ника должна знать...

– А я ничего и не собиралась скрывать! Расскажу. Только не сегодня. Не хочу ей свидание портить.

Настька вызывающе вздернула подбородок, но весь эффект портился тем, что ее до сих пор легонько потряхивало. Надо бы полегче с ней, и так девчонке досталось. Но ведь сама же и виновата! Или... нет? А куда Ника смотрит? Вся в тумане любви, или что?

– Пойдем, – бросил зло, – отвезу тебя домой.

– Я и сама могу добраться.

– Видел я уже, как сама. Подружки твои там остались? Их хоть не надо выручать?

– Нет никаких подружек.

– А с кем же ты пришла? С парнем? – запнулся, широко распахнув двери Бэхи.

– С отцом, – прошептала Настя, но тут же оцетинилась снова: – Впрочем, тебя это не касается.

Наверное, так и есть. Но я не мог пройти мимо этой де-

вочки. Мы здорово сблизились в свое время. Настька для меня стала настоящей семьей. А потом я все испортил... Так! Стоп... как это с отцом? С этим обдолбанным ублюдком?

Я велел Настьке пристегнуться и захлопнул дверь. Слишком резко. Она даже вздрогнула. А я... Черт, не знаю... Меня разрывало от злости.

– И кому пришла в голову эта гениальная идея? Судя по виду – точно не тебе.

Настька провела ладонями по тощим, обтянутым джинсой бедрам и, ничего не ответив, закусила губы. А мне и не нужен был её ответ. Девчонки, если в клуб собираются, надевают все лучшее сразу. Тут же было видно, что ничего такого она и близко не планировала. Джинсы, кеды. Самая обычная майка. И никакой косметики. Хотя обычно малолетки, желая выглядеть старше, размалевываются только так...

– Папа позвал меня к себе. Мы планировали поехать за город, но потом ему кто-то позвонил. И вот... Ой, погоди... Его же нужно предупредить, что я уехала.

Я покосился в зеркало заднего вида, перестроился в крайний правый ряд и включил поворотник.

– Поверь, он твоего отсутствия даже не заметит.

Настька сдулась. Может быть, даже догадываясь, на что я намекаю. А я не то чтобы это пытался скрыть. Понимал ведь прекрасно, что молодежь сейчас продвинутая. Просто не хотел, чтобы ее эта грязь хотя бы вскользь коснулась. Желание вернуться в тот клуб и как следует ввалить Настькиному го-

ре-папаше душило. Дальше ехали молча. Думая каждый о своем. Лишь у дома Настя встрепенулась.

– Свет почему-то горит...

– А что, не должен?

– Не-а. Мама у Олега ночует. Это ее бойфренд.

И снова этот вызывающий взгляд из-под ресниц. Неужели и впрямь не догадывалась, что я в два счета просек ее желание заставить меня ревновать? Как будто это было возможно...

– Если боишься – могу подняться с тобой.

Настька бы и под пытками не создалась в том, что чего-то боится. Тут я маху дал. Думал, пошлет меня куда подальше. Но страх оказался сильнее. Девчонка надменно кивнула. Своим согласием одаривая меня, будто царской милостью. Я усмехнулся тайком и вышел вслед за ней из машины.

За то время, что меня здесь не было, ничего практически не изменилось. Даже замок открылся с тем же знакомым до боли звуком. А вот музыка, что гремела в колонках, была чем-то новеньким.

– Оксимирон, – закатила глаза Настюха, – Отбой. Мама дома...

Глава 7

Олег выругался. Хотя обычного он этого себе при мне не позволял. Даже своих друзей одергивал, когда мы собирались одной большой компанией. Не то чтобы в этом была хоть какая-то необходимость...

– Извини, мне нужно ответить. У нас двойное убийство на участке и...

Я взмахнула рукой, не дав ему договорить. Мол, конечно-конечно... Я все понимаю.

Олег резко выдохнул, опять матюгнулся. Погладил меня по щеке, опалив напоследок голодным взглядом, и вернул на место болтающиеся на щиколотках брюки. Ситуация была – глупее не придумаешь. Я вся взлохмаченная, с расстегнутым на груди платье и со сбившейся на талии юбкой. Он – суетливо натягивающий штаны... Как будто, ответь он в трусах, это бы уронило его достоинство. Застегнув ширинку, Вавилов выудил из кармана пиликающий телефон и скрылся за дверями спальни. Я попыталась встать, но в квартире стояла такая адская жара, что выступившая на коже испарина приклеила меня к полированной поверхности тумбочки, как суперклей. Я насилу смогла отлепиться и слезть, чтобы привести себя в порядок. Не дожидаться же мне его вот так... с призывно раздвинутыми ногами. И подолом, задранным едва ли не на голову. Я одернула юбку. Непослушными пальца-

ми застегнула пуговички... Уставилась на себя в отражении небольшого зеркала, висящего над той самой злополучной тумбой, и захохотала, вцепившись обеими руками в край.

– Все хорошо? – раздался голос за спиной. С трудом нацепив на лицо маску серьезности, я кивнула. Вавилов выглядел ужасно раздраженным и... виноватым. А мне уже как-то пофигу было. Я сразу поняла, что никакого продолжения не будет. У меня даже мысль закралась, что, может, кто-то меня специально останавливал от этого последнего шага.

– Абсолютно. А у тебя? – я кивнула на телефон, который Олег так и не вернул обратно в карман.

– А я, мать его все дери, должен уехать.

– Ох... Ладно. Что-то на работе?

– На ней, родимой. Будь она неладна!

– Ну, что ж теперь. Сейчас... Я только сумочку найду. Не помнишь, где я ее бросила?

Вавилов осмотрелся. Провел широкой ладонью по ежику на голове, и неуверенно поинтересовался:

– Может, все же останешься?

– Здесь? – широко распахнула глаза. – У тебя? Не-е-ет... Нет, пожалуй. Ты ведь, наверное, даже не знаешь, когда освободишься?

– Не знаю, но постараюсь побыстрее.

– А если не выйдет? Нет, Олеж... Лучше отвези меня домой. А если быстро справишься – приезжай ко мне. Настька-то у отца сегодня.

Мой наполненный сомнением голос к концу речи приобрел совсем другие нотки и стал таким, знаете, сладким-сладким, которым даже самая неприступная женщина, сама того не замечая, начинает разговаривать с мужчиной, который ей симпатичен.

– Эм... ладно, – он снова провел по волосам, – только... – замялся.

– Что?

– Я очень спешу. Правда. Ты не обидишься, если я тебе такси вызову?

– Нет-нет, что ты! Пойдем. Я и сама не без рук...

К чести Вавилова, он не уехал, пока не усадил меня в Убер. Я забралась на заднее сиденье и как-то растерянно покачала головой. Низ живота несильно тянул. И все тело скопало напряжение, которое и не думало ослабевать. Я поерзала. Бросила взгляд на часы, не совсем понимая, что дальше. Время еще было ранее, дома – никого. И чем заняться, чтобы не завывать с тоски – непонятно. План созрел сам собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.